

УДК 821.133.1-31(02)
ББК 84(4Фра)6-44
М98

Мюрай, Мари-Од.

М98 Кроваво-красная машинка: [для среднего школьного возраста] / Мари-Од Мюрай ; пер. с фр. Дмитрия Савосина. — М. : Самокат, 2019. — 160 с. — (Секретер). — ISBN 978-5-91759-891-8.

Нильсу 13 лет, он живет с бабушкой и не помнит своих родителей. Но однажды он решает забраться на чердак, хранящий страшные тайны. Или нет, постойте, Нильсу 3 года! Он помнит и маму и папу, и помнит, почему они погибли, и почти помнит убийцу... Нет, Нильсу 34, он профессор Сорбонны, специалист по этрускам. А еще он специалист по загадкам и ловушкам нашей памяти. Чтобы разгадать тайну, совершенно необязательно искать улики — надо всего лишь найти потерянную запись воспоминаний, где уже есть и всегда был ответ.

Эта книга — первый детектив о Нильсе Азаре, профессоре истории и искателе загадок.

ISBN 978-5-91759-891-8

Original title: Nils Hazard dans Dinky rouge sang
Text by Marie-Aude Murail
© 1991 l'école des loisirs, Paris
© Савосин Д., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

*Алену Ланаверу,
моему преподу*

Письмо Нильса Азара Катрин Рок

Париж, 12 декабря 1990 года

Дорогая Катрин, если вы читаете эти строки, — значит, меня уже нет в живых и нотариус передал вам коричневый конверт. Казалось бы, ничто не предвещает моего преждевременного ухода из жизни. Мне тридцать четыре, здоровье превосходное, а должность преподавателя истории в Сорбонне не относится к профессиям группы риска. Но тот, кто знает, всегда в опасности. Мне одному известно имя человека, совершившего два убийства, и это двойное преступление так и осталось безнаказанным.

Наши самые драгоценные воспоминания, Катрин, — та память первых лет жизни, что могла бы рассказать нам о том, кто мы есть и кем станем, — стираются с той же легкостью, что и запись с магнит-

ной ленты. И потому трехлетний преступник, став взрослым, ничего не вспомнит и будет признан невиновным, и даже сам будет так думать. Но со мной все было иначе. Запись стерлась не полностью. С самого детства меня преследовал один и тот же сон, и до моих тринадцати лет он упорно твердил мне: «Ты виновен — виновен!»

Малыш один стоит на лужайке. Он совсем крошка, этот ребенок, он слишком мал, чтобы оставлять его без присмотра. На аллее, там, где кончается лужайка, припаркован красный автомобиль. Спортивный, цвета крови. Капот открыт. С того места, где стоит малыш, видны только ноги человека, чье туловище проглочено разверстым зевом машины. Тут я слышу, как от чьих-то шагов скрипит гравий — так отчетливо, будто на фонограмме кинофильма. Ребенок оборачивается.

— До свидания, — говорит женщина, — мы уезжаем ненадолго...

— Поторапливайся, Мята, — говорит мужчина, — ох уж эти капризы.

Мужчина, может быть, сказал: «Ему грустно» или даже «Он в ярости», — но сказал ли что-нибудь ребенок? А ведь ему есть что сказать, и это что-то важное. Машина отъезжает, и у малыша словно вся кровь отхлынула от сердца. «Не плачь, — говорит голос за кадром, — завтра они вернутся».

— Дедушка!

Я кричу, просыпаясь от этого сна. Ко мне в комнату входит старая дама и сразу включает верхний свет.

— Тихо ты! Сам знаешь: у твоего дедушки большое сердце. Так пугать его среди ночи...

Я вытираю вспотевшие руки о простыни и пытаюсь объяснить ей:

— Мне надо ему это сказать. Если я не скажу...

— Если не скажешь что?

За мгновение до этого я знал, что должен сказать. Но вот сейчас меня спросили, а слова растаяли прямо на языке.

— Я должен сказать тому человеку...

— Какому еще человеку?

Я рассмотрел его лицо, нос, рот, глаза. Он сказал: «Поторапливайся, Мята...» Я пристально взгляделся на него, и я его УЗНАЛ! А сейчас не могу даже сказать, старый он был или молодой. Но память еще хранила его облик, и мне казалось, что я могу его описать:

— Ну... он такой высокий.

Или он только показался высоким ребенку? Я покачал головой:

— Нет, ничего.

Повзрослев, я утратил привычку звать на помощь, когда мне снился этот кошмар. Я душил крик, кусая подушку. На тринадцатом году жизни мне пришла мысль перед сном оставлять рядом карандаш и лист бумаги — чтобы успеть тут же записать детали, которые удастся запомнить. Если прежде я опасался этого сна, то в конце концов стал с нетерпением ждать его. Я восстановил его за два месяца — таким, каким сейчас записал. Но тщетно я мучил собственную психику — заполнить пустоты никак не удавалось. И все-таки я был уверен — еще за секунду до пробуждения я ЗНАЛ.

Живи я в обычной семье, скорее всего, этот кошмар унесли бы годы или пришлось бы обратиться к врачу. Но я общался только со стариком и его женой — моим дедушкой и его второй супругой — первая, Люсиль Азар, умерла во время войны. А эта, вторая жена, Марта, говорила о дедушке, как говорят об умирающем. Но ведь он еще вполне бодро двигался — правда, с помощью трости, которой энергично стучал об пол — тук, тук. У него были длинные седые волосы, сзади прикрывавшие шею, и он всегда носил черный бархатный костюм и под ним жилетку. Все вместе придавало ему слегка неряшливый «артистический» облик.

Дедушка называл меня Нильсом. Надо полагать, таково было мое имя. Нильс Азар — сирота; матери нет, отец неизвестен. Меня проинформировали скупно:

— Мы не знаем, кто твой отец. А мать умерла, как только ты родился.

Любой ребенок спросил бы: где, как, почему? Я не спросил ни о чем. Когда дедушка заговаривал со мной, в его голосе сквозило что-то неприязненное. На самом-то деле он был человек не злой. Легко исполнял мои просьбы. Например, когда я спросил его, можно ли мне поучиться музыке...

— Чудесно, — ответил он, — на пианино.

— Я предпочел бы какой-нибудь струнный инструмент, — ответил я, с радостью увидев, что ему это нравится, — например, скрип...

— Никогда! — закричал он.

— Твое сердце! — завопила Марта с преувеличенным ужасом.

Дедушка сел, состроив гримасу:

— Никогда, — повторил он, — никаких тебе скрип... струнных инструментов — в руках у начинающих это несосно.

Что ж, я согласился посещать уроки пианино, сказав себе, что у меня еще будет время поучиться и игре на скрипке. Сложись моя жизнь по-другому, я несомненно стал бы блестящим пианистом. Мои успехи так изумили преподавателя, что он даже лично поздравил с ними дедушку:

— Должно быть, это у него в крови, — попытался он сказать любезность.

— Определенно нет, — ответил дедушка так, будто его обидели.

Марта и вовсе не оценила моих талантов и жаловалась, что гаммы бьют ее по голове точно молотком.

— Он занимается, — отвечал ей дедушка. — А пока занимается, не наделает глупостей.

Слова старого идиота. Почему же мне слышалось совсем другое? Ненависть окружающих наполняла мои вены, точно я лежал под капельницей. Я был виновен и знал это. Но в чем?

Мы жили в квартале Марэ, на улице Ботрейи. Наше убогое обиталище состояло из двух тесных квартирок, соединенных винтовой лестницей. Дедушка с женой жили на пятом этаже, я — на шестом. Что казалось вполне сообразным моему положению: в собственной семье я был кем-то вроде квартиранта. Под нами проживала пара портных, их фамилия была Фаржоль. Она шила крестильные рубашки, он — кроил саваны.

Я никак не могу вспомнить лица той женщины, хотя она каждый день поднималась к нам — поболтать с Мартой. Но знаю, что ее мужа звали Андре, Андре Фаржоль. Память кажется капризной механикой, Катрин, но у нее есть свои внутренние законы. Если бы того мужчину звали Мишель, его имя не впечаталось бы в мою память.

Над нами не жил никто — но лестница еще продолжалась на несколько ступенек вверх и внезапно поворачивала. Однажды я удовлетворил свое любопытство: на верхней лестничной площадке была дверь, запертая на висячий замок.

— Чердак, — сказал дедушка тем безапелляционным тоном, каким приказывал мне замолчать.

Сколько всяких страшных историй, которые рассказывают детям, могло вовсе не случиться, если бы там не фигурировала запертая дверь. Дверь на чердак подстегнула мое воображение.

Мне было тринадцать лет — и вот однажды ночью, когда я, вооружившись карманным фонариком, старался уловить только что приснившийся сон, мне вдруг послышался какой-то шум с чердака. Я так и не смог определить, откуда именно, потому что шум перемещался.

Я вспомнил игру, в которую играл, когда мне было шесть или семь. В нашей квартире очень покатые полы, и когда я клал стальной шарик в угол комнаты, он перекатывался в противоположный угол сам по себе. З-з-з-з. Это был звук катящегося шарика. Я привстал в постели, выпрямился. Звук прекратился. Я снова лег. З-з-з-з. Шарик катился. Несмотря на весь ужас, какой внушали мне слово «чердак» и вид гро-

мадного замка, именно в ту ночь я принял решение. Я переступлю этот порог. Меня призывало туда нечто, или, точнее, некто. Ведь не мог же шарик катиться сам по себе. С тех пор я караулил каждый звук, доносившийся с чердака. Никто даже представить не может, сколько таких неслышных стуков и вздохов скрывает ночь, она одушевленнее дня для того, кто не спит. В моей спальне рождались призраки. Мимо проплывали существа, которые утром оказывались лишь занавесками, одеждой или стопками книг. Но звука катящегося шарика я не слышал больше никогда.

Ключ дедушка носил на шее. Несколько раз, когда дедушка выходил, только что умывшись и не успев надеть рубашку, я видел ключ у него под майкой. Он болтался на простой нитке. Его можно было отрезать одним взмахом ножниц. А ножницы в моей старой школьной готовальне имелись.

Так я оказался среди ночи в изножье кровати, на которой спали Марта и ее муж. Сквозь просветы ставен в комнату проникали уличные огни, и я смотрел на этих двух стариков, простертых рядом друг с другом, неподвижных как надгробия. Они умерли, глупо подумал я. Вздох слетел с дедушкиных губ. Ни мертвые, ни живые, снова подумалось мне, они во власти снов. Дедушке снится, как убийца подходит к его изголовью, раскрывая ужасные ножницы. Его взор блуждает по горлу жертвы, и вот... я потихоньку опускаю руку. Вот она, жизнь дедушки, висит на ниточке; а моя заперта на ключ. И я снова подношу к нему ножницы. Тут первой успеваешь проснуться Марта и кричит по-птичьи. Дедушкин взгляд испуганно блуждает. Вид у обоих жалкий.

— Чудовище! — орет Марта. — Чудовище!

Конечно, мне не следовало брать острые ножницы из корзинки для шитья. Но своих, с закругленными кончиками из школьной готовальни, я не нашел. Я хотел сказать дедушке, что мне просто нужен ключ, и, подыскивая слова, все смотрел на его шею — видя, как в яремной вене пульсирует кровь.

— Чудовище, — разрыдалась Марта.

Нужно было сказать хоть что-нибудь, я должен был сказать, но слова растаяли прямо у меня на языке. Я опять оказался в своей комнатке, почти лишившись дара речи. Похожий на малыша из того самого сна, Катрин, и тоже виновный, как и он.

Никакого объяснения между нами не было. Они боялись меня — а я боялся их страха. На следующий же день Марта убрала в какие-то закрома все ножи и вечером заперла дверь спальни на засов. А мне понравилось чувствовать себя отверженным. Теперь ночь и вправду становилась моим царством.

В тот же вечер я взгромоздил стул на столик и, вскарабкавшись по этой постройке, принялся негромко стучать в потолок. Осыпалось немного штукатурки, я поскреб и обнаружил планку перекрытия. А если там, наверху, кто-то был, — слышал ли он мое дыхание? На следующий день я купил швейцарский нож.

Отныне каждый день с помощью ножика я соскребал с потолка немного гипса, который потом смахивал в картонную коробочку и спускался к мусоропроводу. Никто не покушался на мою территорию. Я мог спокойно проделывать свою работу. От того, что мне удавалось обнажать пол верхнего этажа, мной овла-

девало прекрасное и возраставшее умиротворение. Руки кровоточили, строительный мусор колот горло, ослеплял, попадая в глаза. Но я хоть понимал, ради чего страдаю. Мое упорство было вознаграждено через пару недель: я различил на потолке очертания люка. Этот люк преодолеть было легче, чем дверь с амбарным замком.

Самым трудным было доскристи до появления зазора в полсантиметра — люком уже давно не пользовались. Когда мне это удалось, я просунул туда свою железную линейку, чтобы зафиксировать отверстие. Доски наверху затрещали. Что ж, последний толчок плечом, решающее «ух!», и... люк раскрылся вверх. А я до того удивился, что по-глупому дал ему снова закрыться, и крышка чуть не пришибла меня.

Думаю, в ту ночь я пережил то же чувство, что и археолог-любитель Реголини на пороге гробницы принцессы Ларции, когда столь темное, столь скрытое настоящее вот-вот встретится с прошлым и ярко им озарится. Я начал лихорадочно готовиться к экспедиции. У меня был рюкзак для скаутских прогулок. Я сунул туда провиант — виноград и шоколад, полную флягу воды, пуловер, кое-какие инструменты, бортовой журнал, компас, небольшой несессер на всякий случай и карманный фонарик. Обулся как надо для путешествий и надел мягкую, но теплую одежду. Меня беспокоило только одно: а вдруг чердак обитаем?

Я второй раз поднажал на крышку люка, потом окинул спальню последним взглядом, не уверенный, что когда-нибудь в нее вернусь, и уцепился за кромку люка, чтобы подтянуться на руках. Локоть, потом другой локоть; колено, потом другое колено. Вот я

и там.

Она — вот первое, что я там увидел, и моим первым порывом было крепко ее обнять. Это была при-слоненная к стене виолончель со смычком. Все вокруг тонуло в бледном лунном сиянии. У меня было чувство, что я обнимаю близкого родственника. Подняв голову, я заметил фотографию, висевшую на стене, — портрет молодого человека в ореоле искусственного света. Из-за горькой улыбки и необычно пристального взгляда он сразу показался мне неприятным. Я включил карманный фонарик. Из темноты вдруг выскочила деревянная лошадка, глупая коняшка с нарисованными глазами, со слишком человеческой мордочкой. Я шагнул вперед и едва не упал. З-з-з-з. Это я наступил на стальной шарик. Крак. Он покати-лся далеко от обследуемой мною территории, за-катившись за деревянную лошадку. Я вытащил свой бортовой журнал и записал первые впечатления.

«Чердак кажется необитаемым, но я еще не загля-дывал за шкаф. С той стороны осталась весьма значи-тельная зона тьмы. Я только что обустроил времен-ный лагерь на ящике. Это на расстоянии около метра от деревянной лошадки».

Клещами, которые я удачно сообразил захватить с собой, я вытащил из ящика гвозди. В нем были пла-стинки и граммофон. Я посмотрел на конверт одной из старых пластинок на 33 оборота. Сюиты И. С. Баха. Партия виолончели: Максанс Азар. Я поднял глаза на фотографию:

— Так вы, значит, вот кто, — прошептал я, как будто мне его только что представили.

Мне показалось, или глаза его как будто блеснули

еще ярче, а улыбка стала еще более желчной? Я подумал, что слишком долго его разглядывать сейчас не стоит.

В конце концов, меня призывали иные горизонты.
— Шкаф, — молвил я вполголоса.

Чтобы добраться до него, мне пришлось переступить через карнизы для штор и рулоны линолеума. Рюкзак натирал плечи. На миг я присел — выпить глоток воды. С собой я захватил всего одну флягу. Придется экономить воду? Я читал об этом в книгах, там это было самым главным для исследователя.

— Заперт на ключ, — заключил я, наконец добравшись до шкафа.

И никаких следов ключа. Я записал:

«Я на время отказываюсь от исследования шкафа. Окрестности необитаемы. Замечены: детский стульчик, серая детская коляска, большая картонная коробка для шл...»

Я отложил бортовой журнал, открыл коробку, потом записал:

«...яп, в которой лежат фата новобрачной и букет белых цветов».

Стоило мне прикоснуться к цветам, как они тут же рассыпались в прах, и мое сердце сжалось от тоски. Я почувствовал, что в эту ночь мне не продвинуться дальше.

«Возвращение на базу. Час ночи».

Но что этот малыш делает совсем один в этот час? У него такой внимательный взгляд. Он смотрит на человека, который не знает, что его разглядыва-